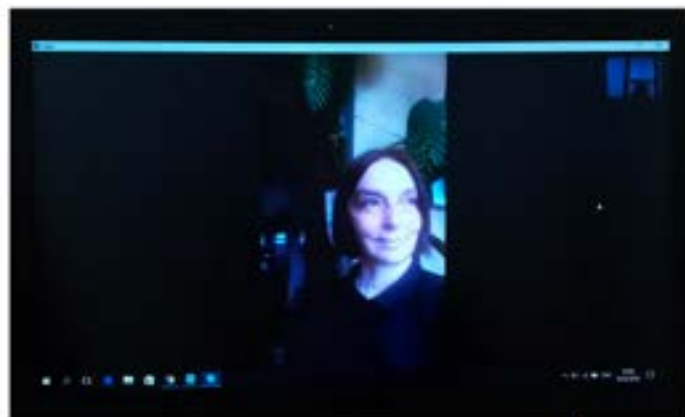

DOI 10.23683/2415-8852-2018-3-18-36

УДК 316

«КИБОРГАНИЧЕСКАЯ УТОПИЯ» И ОНТОЛОГИЯ НОВОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Алла Дориановна Митрофанова

независимый исследователь, участница Киберфеминистского
интернационала (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: twinsmi@mail.ru

Аннотация. Утопии можно рассматривать как смещение рамок возможного. Техническое и социальное воображение отбрасывают «смысловую тень», в которой формируется новая рациональность. Следуя за тенью, в поисках эпистемологической преемственности попробуем пройти от машины производственников и конструктивистов к философии программирования и «технологически опосредованной реальности» Донны Харауэй. Отправным пунктом на этом пути станет «Философия техники» П.К. Энгельмейера, изданная в 1912 г. с предисловием Э. Маха. Машина у Энгельмейера была приближена к понятию операции, технический объект понят как научный и культурно-исторический одновременно, а оппозиция природа – культура отменена. Рецепция этих идей производилась в трактате Н. Тарабукина «От мольберта к машине», в лекциях Н. Пунина, в концепциях А. Гастева, П. Третьякова и А. Богданова. Богданов использовал их для формулирования нового принципа организации жизни в романе-утопии «Красная звезда», где философия и теория творчества трактуются в инженерно-конструктивистской перспективе. Появление «инженеров человеческих душ», как их иронически окрестил Ю. Олеша, в свое время испугало многих и было дискредитировано лингвоцентризмом XX в. Однако интуиции Энгельмейера, положенные в основание конструктивизма 1920-х гг., обрели новое звучание с появлением неоматериализма и спекулятивного реализма (М. Деланда, К. Барад). Прочитанная из этой перспективы, «Философия техники» Энгельмейера становится текстом, отвечающим на актуальные вопросы онтологии: что значит материальность? каковы ее пределы и мерность? что значит вариативность и эмпирическая достаточность реальности?

Ключевые слова: философия техники, киборганические утопии, неоматериализм, спекулятивный реализм, операция.

Едва отложившись, оболочка быта будет лопаться под напором новых техно-культурных изобретений и биопсихических достижений.

Лев Троцкий

Проблемы культуры. Культура переходного периода (1927)

Киборг – наша онтология, от него идет наша политика. Киборг есть конденсированный образ как воображения, так и материальной реальности...

Донна Харауэй

Манифест киборга (1985)

Утопии возникают в периоды смещения рамок возможного, когда воображение пробрасывает «смысловую тень», в которой формируется новая реальность. Знаменательно, что утопии со второй половины XIX в. приобретают характер технологических утопий. Согласно Хайдеггеру, наша эпоха показывает себя через техническое. Когда техника становится философской проблемой, складывается новая, пока маргинальная, дисциплина – от «Философии машины» Эрнста Каппа (1877) через «Философию техники» Петра Энгельмейера (1912), «Размышления о технике» Ортега-и-Гассета (1933), «Вопрос о технике» Хайдеггера (1956), «О способе существования технических объектов» Симондона (1959) к «Манифесту киборга» Донны Харауэй (1985), новым философиям программирования, переписывающим наследие неклассической философии

в перспективе больших данных (А. Гэллоуей, Л. Паризи) и реинжиниринга Резы Негарестани (“Intelligence and Spirit”, 2018).

Попробуем понять, почему после того как философия отказалась от оснований трансцендентализма и природного детерминизма, техника получает онтологический статус. Если условием классического мышления было обязательное установление различия между природой и культурой, между существованием и сознанием, то философия техники ставит это различие под вопрос. Это, казалось бы, незначительное эпистемологическое изменение порождает серьезные следствия: мир из стабильного и внешним образом данного превращается в становящийся и производимый (artificial). Этот нестабильный искусственный мир переконфигурируется в технических, социальных и научных революциях. При этом он обнаруживает сложную причинность, смешение дискурсивности и материальности (Барад) или природокультурные гибриды (Харауэй), эмпирическую достаточность, но также процессуальность и неполноту [Митрофанова 2018]. Это и есть вопросы онтологии нового материализма, претендующего на рациональное обоснование необходимости связывания онтологии и этики, политики и эпистемологии.

Меня также интересует вопрос: до какой степени революционные машины производителей и конструктивистов, нацеленные на формирование нового мира и нового

быта, предшествуют современному пониманию искусственной жизни и искусственного интеллекта? Машинность и технологичность начинаются с авангарда, а затем возвращаются в понятие *технологического опосредования* реальности Донны Харауэй и онтологизируются в философии нового материализма и нового рационализма 2010-х гг.

Методологическое введение

Отправным пунктом моих размышлений станет «Философия творчества» (1910), изданная с предисловием Э. Маха, и «Философия техники» (1912) российского теоретика П.К. Энгельмейера. Идеи Энгельмейера в последующем интерпретировались Н. Тарабукиным в трактате «От мольберта к машине», в лекциях Н. Пунина и в концепциях А. Гастева, С. Третьякова, А. Богданова. Они легли в основание конструктивизма 1920-х гг., а сейчас возвращаются в философии (нео)материализма М. Деланда и К. Барад. Мой интерес, однако, заключается не в реконструкции истории идей Энгельмейера, а в выявлении контекста философии техники наших дней. Я читаю тексты столетней давности как опыты новой онтологии, как раннюю проблематизацию неклассического философского подхода.

Понимание техники у Энгельмейера будет рассмотрено в трех ракурсах: 1) со стороны «срединной» онтологии, на роль которой претендует техника после поражения

бинарного метафизического понимания «самоданной природы» и трансцендентальной целостности сознания, 2) со стороны технического объекта, понимаемого одновременно как научный, культурно-исторический и материальный, что отменяет оппозицию природа – культура, 3) со стороны операции, обеспечивающей различение процессов и связывание их в динамические системы. Техника, творчество, этика и политика трактуются Энгельмейером в радикально конструктивистской перспективе как производство реальности – это не познание данного, а конструирование возможного. Но в отсутствие стабильных объектов и универсальных правил проблемой становится сложность и пересечение социальных и естественнонаучных, политических и эпистемологических процедур.

Стоит упомянуть, что развитие философии техники с ее сложной причинностью и технической рациональностью было дискредитировано критикой техники 1930–1950-х гг., в которой техническое было понято как вторжение в гуманитарную сущность человека и инструмент репрессивной рационализации. Олеша иронично называл конструктивистов «инженерами человеческих душ», а Сталин уже безо всякой иронии распространил это определение на всех советских писателей. Однако остался незамеченным парадокс: возвращение «гуманизма» происходило вместе с консервативным

сворачиванием эмансипаторной политики. Апология духовности сочеталась с созданием закрытых идеологических систем. И дело здесь не в том, что гуманизм бывает правильным и неправильным, а в том, что разделение культуры и техники исключает материальность процессов производства реальности, обедняя их понимание и облегчая семиотические манипуляции с ней. Мой вопрос заключается в том, как возможны радикальная онтологическая установка на технику и отказ от традиционной онтологии, устанавливавшей свои основания либо как универсальное сознание, либо как самоданную природу.

Возвращение к «утопической» (не гуманистической) философии техники началось с конца 1980-х гг. в ситуации разработки новых компьютерных технологий. Создается новая дисциплина *медиа археология*, проводятся конференции по философии техники, об Энгельмейере пишут В.Г. Горохов, В.М. Розин, К.И. Хессе. И кажется, что ранняя авангардная философия техники оказывается тем философским предложением и даже методологическим текстом, с учетом и из перспективы которого ставятся онтологические вопросы *нового материализма и неорационализма*. Как устанавливается материальность? Каковы пределы и мерность восприятия? Что значит алгоритмическая вариативность и большие данные? Как соотносятся неполнота и эмпирическая

достаточность реальности? И если эти проблемы уже разрабатывались 100 лет назад, необходимость разобраться, насколько современная философия продолжает технологические и политические теории авангарда, в том числе советского, остается.

Энгельмейер: проблемы эпистемологии техники

Срединность технического

Петр Энгельмейер (1855–1941) – российский / советский философ и инженер, участвовавший в создании философии техники и одним из первых применивший этот термин. В своем вступлении к книге «Философия техники» автор отметил, что участники международного философского конгресса в Болонье впервые услышали от него о философии техники и, «несмотря на новизну предмета <...> нашлись философы, которые признали законность предмета. Таковы <...> А. Бергсон (Париж), О. Кюльпе (Бонн) и Э. Мах (Вена)» [Энгельмейер 1912: 10].

Эта работа написана в период революций в науке, технике, политике, следствием которых, как пишет Энгельмейер в послесловии, становится возникновение новых наук, организаций и религий. В предисловии автор торжественно провозглашает, что впервые с основания Москвы поднят вопрос о философии техники, но техника всегда составляла главный вопрос философии. Обращаясь к греческому понятию *технэ*, объединяюще-

му в себе мастерство, искусство, организацию жизни, он утверждает, что техническое должно быть понято в качестве основного философского вопроса. Но это понимание ускользало от философов предыдущих эпох, поскольку техническое терялось в разрыве между природой и культурой, красотой и пользой, искусством и утилитарностью. И это при том, что наряду с искусством в высоком смысле говорят об искусстве шитья или вождения автомобиля, а рассуждая о пользе паровоза, переходят к красоте машины. Здравый смысл сопротивляется бинарности различения, и тогда следует поставить вопрос о его правильности, возвращая технике ее право на многое:

«Расширяя понятие техники до последних его логических границ, мы должны будем отнести к ней очень многое. <...>

При правильном обобщенном понимании техники, – а мы такого и ищем, – язык есть не больше и не меньше как техническое изобретение. Такими же изобретениями являются счисление, календарь, письменность, деньги <...> законы и формы государственности. <...>

Более того, само мышление может быть отнесено к «технике мышления. <...>

Чтобы ответить на вопрос (что техника дала человеку?) посмотрим вокруг себя на свою одежду, пищу, жилище, препровождение дня. <...>

Археология, реконструируя общества по материальным останкам, «целиком зиждется на при-

знании того, что материальная культура составляет одно целое с культурой духовной, а так как материальную культуру делает техника, то и выходит, что техника есть реальный базис всей культуры человечества» [Энгельмейер 1912: 16, 46, 48–49].

Энгельмейер не решается на следующий шаг, который сделает механист И. Скворцов-Степанов в тексте 1924 г., с которого начнется дискуссия механистов и диалектиков. Он рассмотрит биологические формы как технологическую организацию жизни в неразличимости жизни и технического, утверждая, что жизнь может быть воплощена только в процессе взаимозависимой формализации, т. е. технически в понимании Энгельмейера.

Если сфера *технического* – искусство, умения, практики, прагматики, то ее антитезой оказываются универсальный логос, *рацио* и природный детерминизм с его установкой на самоданность природных объектов. *Техническое* покушается на весь ценностный ряд классической эпистемологии: истина, данность, правила логического вывода. Говоря о проблеме познания мира, Энгельмейер утверждает, что мир познаваем не абсолютно, но ровно настолько, насколько человеку необходимо его познать на данном этапе, при этом знание связано с техническими операциями его производства: «художник оперирует» в своей области, как и «инженер оперирует» в своей. Ссылаясь

на Бергсона, Энгельмейер говорит, что жизнь дана в формах действия (процессов), а не стабильных данностей. Таким образом, особое срединное положение техники стирает эпистемологический разрыв природы и культуры. Следом теряют четкие границы и другие понятия бинарной классической эпистемологии: субъекта – объекта, творчества – утилитарности, высокого – низкого.

Техническое, по мнению Энгельмейера, составляет главный вклад марксистского материализма в онтологию:

«Для Маркса и Энгельса формы материальной технической жизни служат основанием для исторической формации и духовно-общественной жизни. Техника связывает природные тела и культурные задачи, и это определяет форму жизни» [Энгельмейер 1910: 35].

Человека Энгельмейер понимает как обусловленного конкретной ситуацией (объективированного своим временем) и как активного (субъективированного) деятеля, организующего свой мир, создающего реальность. Энгельмейер допускает существование природного мира, уходящего в свою неразличимость, но доступная и окружающая людей реальность может быть только искусственной по своему онтологическому статусу.

Причинность и операции

Если мы перестаем считать технику «грубой материальностью» или «бездушным эм-

пиризмом» и начинаем рассматривать рациональность как множество конструирующих ее процессов, практик, участвующих агентов и социальных отношений (а не универсальную абстрактную систему), то возникает необходимость признать, что реальность не дана изначально, но производится множеством процессов. Если машины, искусство и социальные отношения всегда были той промежуточной областью, которая соединяла природу и культуру, объект и субъект, тело и сознание, то это может быть понято только благодаря операциональной трактовке реальности. И это – не операции языка или логики, но операции материальности, техники и практики.

Техническое отсылает к множеству операций и взаимодействий. Причинность в этом случае не может быть дана исключительно внешним образом. Но принять нелинейную причинность мешает установленное классической культурой разделение деятельности на ареалы: творчество – духовная деятельность, социальные институты – универсальные установления, техника – утилитарна и материальна. Однако разделения, которые не подвергаются анализу и принимаются как изначально данные, являются не онтологическими различениями, а эпистемологическими условиями, в которых запускается определенный тип мышления. Как в компьютерном пейзаже: приблизившись к этим основаниям, мы потеряем степень разреше-

ния и вместо усиления обоснований и глубины горизонта получим плоский пиксел.

В 1910 г. Энгельмейер разрабатывает такую теорию и практику творчества, где эпистемологический горизонт метафизической традиции перестает быть значим, тогда рациональность должна быть найдена в новых операциях. Он дорабатывает ее в духе эмпириокритицизма, посылает Маху, получает одобрение и... предисловие к книге:

«Стоя на точке зрения эмпириокритицизма, мы <...> ничего другого не делаем, как располагаем наш опыт все в новые и новые ряды, называемые различно: восприятия, узнавание (апперцепция), представление, понятие, суждение, умозаключение. Это и есть человеческое творчество – тот процесс, который нам следует изучить...» [Энгельмейер 1910: 17].

Но вместо того чтобы разделить позицию «субъективных идеалистов», он усложняет причинность и вводит техническую рациональность. Материальным воплощением деятельность не заканчивается, поскольку практика, связанная с техническими и культурными объектами, вызывает переорганизацию отношений в сферах религии, этики, эстетики. Социальные отношения здесь понимаются не как естественные, но требующие социально-конструктивной работы, а реальность –

как технический объект, который пересобирается через множество операций.

Энгельмейер предлагает теорию «трехакта», в которой техника мыслится как способ рационального понимания и связывания процессов организации жизни. В трехактном подходе как инженер, так и художник проходят периоды, связанные с воображением, моделированием, материальным производством и социальными отношениями. Расширяя понятие творчества и понятие техники, он предлагает посмотреть с технической стороны и на обыденную жизнь, которая требует постоянной инициативы и приспособления мыслей и чувств. Это техника непрерывной конструирующей и «объективирующей деятельности». В обыденной жизни человек также творит, создает объекты, т. е. применяет операции различения и связывания: для ребенка женская грудь или свет есть предмет столь же творческий и познавательно сложный как электрон для физика. Так ребенок из тепла, света и запаха керосина создает объект-лампу. При этом восприятия материальны – как и лампа. Но они даны не как естественные объекты, но через работу взаимодействий.

Но тогда художественные и научные объекты должны получить один и тот же статус. И Энгельмейер ставит рядом с научными открытиями физики художественные образы Шекспира или Гоголя, которые также оказываются инструментами и результатами по-

знания. Это также означает, что рациональность, понимаемая технически, может быть распространена и на психическую, и на быденную жизнь. Такая теория творчества позволяет внести знание и рациональность в то, что еще недавно было естественным и нерелексивным существованием.

Утратив прежние основания мышления, мы погружаемся в рассыпающийся опыт и смешанные взаимодействия, которые необходимо различать, называть и связывать в причинные пучки и сети. Это не опыт, полученный непосредственно от данной вещи, это опыт ее собирания из неразделенности восприятия и мышления, требующий новой рациональности, открывающейся через опыт технического. Сами тела – пластичные и технологичные – побуждают изменять глубину вовлечения и осознания. Эта позиция в некоторой степени предшествует постгуманизму с его критикой естественного, опознаваемого в категориях неосознанного – следовательно, репрессированного к позиции эксплуатируемого ресурса. Вспоминается старая шутка Донны Харауэй: «Лучше быть киборгом, чем богиней». Или недавний ее парадокс: «Лучше быть айфоном, чем женщиной».

Тарабукин и конструктивное мастерство

Утрата прежних онтологических оснований делает возможным понимание реальности в терминах ее производства и осмысление технического как онтологического, что,

в свою очередь, запускает радикальные послереволюционные практики конструктивизма и производственничества. Один из манифестов – «От мольберта к машине» Николая Тарабукина, созданный в 1922 г., – требует переопределить предмет искусства и понятие творчества, занявшись конструированием мира, в котором человек является практическим деятелем. Покинув область чистой эстетики и прикладного творчества, «современный художник-конструктивист, не имеющий никаких специальных технических знаний... трагично» стоит перед необходимостью изобрести новый тип мастерства, «войдя в науку и жизнь [Тарабукин: 42]. Несмотря на нехватку технической квалификации, художник в новом мире необходим, поскольку именно он привносит особое «конструктивное мастерство» – другое отношение к производству, стирающее различие между вдохновением и материальностью.

Но как тогда определить предметность нового искусства, если оно более не привязано к прежним объектам и вещам? Тарабукин предлагает объяснение: промышленное производство подрывает кустарную ценность вещи, но заставляет продумывать организацию процессов, переосмыслить саму функциональность и форму:

«Таково, например, пользование электрической энергией, являющей собою сложную систему установок, из которой извлекается ряд полезностей...

Таким образом мы приходим к новому понятию *установок...*» [Тарабукин: 51].

Конструктивное творчество связывает материальные элементы в определенные системно-функциональные модели. И эта связанность, когда-то понимаемая как естественная, а потом в беспредметничестве понятая как особая область творчества и названная ОПОЯЗовцами «обнажением приёма», становится осознанной и моделируемой. Чтобы к этому прийти, авангард должен был разобрать по отдельности визуальность, вещь, материальные элементы, способы связывания, т. е. провести аналитическую работу по обнаружению другой функции искусства – не украшать, а конструировать новую реальность.

Аналогичны идеи Б. Арватова об «искоренении» различия между художественной и общесоциальной техникой ради *жизнестроительства*. Это радикальный пересмотр функции искусства, производства и повседневности, где повседневность теряет натуральность, а искусство – дистанцию созерцания. Их связывает новая, техническая материальность, вскрыть и показать которую становится задачей художника: «Своеобразная электрификация искусства, инженеризм в художественном труде – вот формальная цель современной пролетарской практики» [Арватов: 129].

Существование технического объекта по Симондону

В 1959 г. была опубликована работа Ж. Симондона «О способе существования технических объектов». Эпоха авангарда прошла, и его намерение конструировать новую реальность как техническое жизнестроительство выглядело опасным. Покуда торжествовала гуманистическая критика техники, философия техники Симондона, продолжающая начинания Энгельмейера и добавляющая ясности в энгельмейеровское понятие операции, игнорировалась.

Симондон переосмысляет природный (материальный) объект как технический. Через понятие *технического* он возвращает рациональность в материальное. Уход от метафизики бинарных оснований Симондон рассматривает как преодоление гилеморфической («гиле» – ‘материя’, «морфе» – ‘форма’) эпистемологической схемы, разделяющей материю и форму на две разные сущности. Непроясненность связности между ними, которую он называет «темной сферой технического», конституирует метафизический разрыв и ложное понимание объектов и форм в их внешней данности опыту:

«Гилеморфическая схема, следовательно, представляет собой пару, термины которой отчетливы, но отношение между которыми затемнено. В этом смысле гилеморфическая схема представляет собой перенос в философскую мысль технической

операции, сведенной к труду, и берется как универсальная парадигма генезиса сущего. В основе этой парадигмы лежит именно технический опыт, но опыт далеко не полный. Обобщающее использование гилеморфической схемы в философии и наводит эту темноту, которая происходит из недостаточной технической основы этой схемы» [Симондон: 97].

Маркс описывал эту темную зону в терминах *освобождения труда*. Но Симондон показывает, что для Маркса человек и его труд понимаются через природную необходимость, получая, тем самым, дотехническое или биологизаторское основание. Если помыслить технику через труд как тяжелую необходимость, то она неизбежно будет восприниматься как чужеродная. Но если ее мыслить через познание и разворачивание существования, то она будет приниматься как эмансипаторная, превратится в нескончаемое изобретательство и творчество. Поэтому марксовское понятие труда скорее принадлежит гилеморфической – разделяющей природу и сознание – онтологии и предполагает сущностное отчуждение человека, возникающее вместе с сохранением «темной медиальной зоны». И оно недостаточно.

В полемике с марксизмом Симондон предлагает рассматривать труд не как натурально присущее свойство человека, а как производное от порядка технического. Освободив труд от природности, а технику – от человека, вычленив особый онтологический регистр «труд / техника», он концептуализирует новую

материальность технического объекта. Технический объект больше не должен пониматься как утилитарная форма. Его форма – это *материальная кристаллизация операторной схемы* и такой мысли, которая есть результат разрешения конкретной проблемы. «Стало быть, технический объект привносит категорию более широкую, чем труд: это *операторное функционирование...*» [там же: 100].

Бинарная метафизическая схема «материя-форма» пересматривается им через придание операциям онтологического статуса. Операции собирают технический / онтологический объект. Объект Симондона – это результат сборки многих операций, он имеет историю причинности и формирования. Не форма устанавливается технической операцией, но сама форма с ее внутренними соотношениями и есть техническая операция. Объектность можно мыслить технологически, если технология понимается как средство медиации различных связей. Благодаря этой медиации реальность приобретает упорядоченность и относительную устойчивость посредством технического схематизма. Но этот схематизм – не просто медиация между сущими, а «устойчивое смешение того и другого». Форма и материя принадлежат одному порядку реальности и находятся на одном уровне системы. Этот порядок представляет собой совокупность операций. Функционирование также есть операция. Иначе говоря, для Симондона техническое оказывается эвристическим способом

вхождения трансцендентального в имманентное и наоборот по типу ленты Мебиуса: техническое изобретается априорной формой чувственности, но она содержится в том, что конституирует человеческое, и реализуется в нем. Поэтому и человек, и технический объект – это непрерывающаяся работа индивидуации. Она не дана себе подобно «природному» объекту в метафизическом смысле, но понимается как формальное становление материальности.

Технические объекты порождают наибольшее отчуждение, когда скрывают свою техническую и могут восприниматься как «темные объекты», лишенные генезиса, деятельности, индивидуации. Примером современного непонимания операциональной схемы могут быть компьютерные сети, которые пользователями воспринимаются как самоданные, а потому – конспирологически отчужденные.

Подход Симондона оказывается близок конструктивистам и производственникам. Выражаясь по-арватовски, он подобен электрификации темной зоны труда и выведению в онтологию технической операции. Мир создается множеством процессов и операций, логика которых может быть понята рационально и должна стать предметом как художественного творчества, так и политико-философского анализа. То, что представлялось собственно человеческим, здесь становится техническим – от мерности восприятий эмпириокритиков и экспериментальной психологии до киноглаза Вертова, новых тел биомеханики Мейер-

хольда, Бернштейна, Гастева и политики пола Коллонтай, заменяющей невидимый и натурализованный труд женщин-пролетариев технологиями и институтами нового быта.

Перформативность и мультиагентность

Анализируя новую технологию, Д. Харауэй в 1985 г. пишет в «Манифесте киборга», что опосредование реальности происходит теперь не через язык, а через современную технику. Однако мне хотелось показать, что дело не в компьютерной технике, а в условиях для новой технологически ориентированной эпистемологии, которую развивал в начале XX в. Энгельмейер и которая среди прочего сформировала возможность компьютерной техники. Человек лишается природности и антропоцентризма, получая взамен гибридный статус киборга. Киборг – это современная форма индивидуации, которая собирается и как материальная, и как семиотическая. Продолжая это спутывание логического и материального, Карен Барад предлагает пересмотреть понимание аппаратов и феноменов как дискурсивно-материальных практик. Попробуем связать онтологическое предложение «утопической» философии техники первой трети XX в. и философию *агентного реализма* Карен Барад, изложенную в ее широко обсуждаемой книге «На пути к Вселенной».

Ее концепция отрицает установку на субъектоцентризм и фундирующий его лингвоцентризм структурализма и постструктурализма.

Отказываясь от дуализма природы и культуры, равно как и от привилегированной роли языка в описании и репрезентации мира, она фокусируется на той, некогда открытой философиями техники, «темной зоне» множественных связей, практик, техник. Это множество процессов и их эффекты она, вслед за Джудит Батлер, называет перформативностью:

«...Верное понимание перформативности – это не требование превратить все (включая материальные тела) в язык, напротив, перформативность оспаривает данную языку чрезмерную власть, определять, что реально <...> перформативный подход настаивает на том, чтобы мышление, наблюдение и теоретизирование понимались как часть мира нашего существования и как практики взаимодействия в нем» [Баррад: 45].

Практики и расширенное (не лингвистическое) понимание материальности она предлагает рассмотреть через ре-интерпретацию «темной зоны» инструментальности, вводя понятия *мерности* и *аппаратов*:

«Должны ли мы понимать аппарат из позиции кантианской сети умопостигаемости? Аристотелевского схематизма? Хайдеггеровских фоновых практик? Альтюссеровских идеологических аппаратов? В смысле фукианских дискурсивных практик или диспозитивов? В батлеровском ключе как перформативы? Как латурианские устройства надписывания и перевода? Аппараты производства телесности по Харауэй?... Резонируя на разных частотах, эти рас-

ходящиеся линии мысли можно продуктивно наложить, чтобы получить картину резонанса и диссонанса, которая высветит новые возможности понимания и бытия <...> аппараты не являются простыми инструментами или устройствами... они не социальные силы, функционирующие в перформативном режиме... аппараты – это особые материальные конфигурации мира... многократно реконфигурирующие материю пространства-времени в рамках непрерывного динамизма становления» [там же: 54].

Аппараты в лаборатории – это не вещи в мире, а незамкнутые материально-дискурсивные практики, конфигурирующие материальность мира. Аппараты не нейтральны, в них вложена также историческая, политическая, гендерная причинность. Они задают значимые различия и мерность (степень разрешенности) реальности.

Дискурсивность перестала быть речевой практикой еще в работах Фуко и Батлер, она формирует значения и отношения по типу *технических операций*. Но Фуко и Батлер рассматривали дискурсивность как имманентные культурно-исторические и политические условия. В понимании Баррад имманентность – это ложное основание. Скорее, следует говорить о новой феноменологии не только вещей, но и технических аппаратов, при условии, что аппараты включают множественную агентность дискурсивности и материальности. Возможность мира дана нам в феноменальных формах, а избыточность взаимодействий позволя-

ет осуществить реконфигурацию мира. Мир без основания не стабилен, но и не случаен, в нем разворачивается не артикулированная ранее гетерогенная причинность. Эта причинность не производится гуманистическим субъектом и его спекулятивным познанием, что не отменяет персональную агентность.

Казалось бы, здесь можно заподозрить Барад в уходе в ненаучную фантастику с монстрами и мутантами. Но она переходит к новой рациональности, опираясь на математическую логику и квантовую физику. Отсутствие основания и наличие парадокса не делают расчеты и описания бессмысленными, но требуют иных процедур связывания. В качестве такой процедуры она предлагает дифракцию – *волновое* междисциплинарное логическое и алгоритмическое совпадение. Если процедуры конфигурирования и материализации объектов в разных дисциплинах соотносимы логически, при этом не важно, что объекты и области знания различны, то возможно говорить об их действительной конститутивной роли. При этом этические, эпистемологические и онтологические подходы оказываются связаны рациональностью множества совпадений в разделенных и предметно различных практиках.

Политические эффекты агентного реализма Барад напоминают подходы теоретиков и художников авангардного конструктивизма – теории машины Тарабукина, Гастева, Арватова, производственничества Поповой

и Степановой, для которых способ организации процессов был новым пониманием искусства жизнестроительства. Поскольку эксплуатация или эмансипация рабочих не прекращается с национализацией заводов, она вписана в формы организации труда, в материально-дискурсивную конфигурацию их тел и цеховых отношений, то изменить весь этот комплекс может художник своим новым творческим мастерством. Стремление коллектива Института Научной Организации Труда (Гастев, Бернштейн, проекционный театр Никритина, телесные образы Дейнеки) организовать тела, трудовые процессы, эстетическую форму новых рабочих практик через рациональное осознание физиологии нервной деятельности и авангардные театральные перформансы показывает *мультиагентное* понимание материальности. Эмансипаторное действие может работать только через реконфигурацию материальности их жизней, а не через имманентный дар свободы или императив моральной власти, как полагала классическая мысль. Также это значит, что априорные основания мира не даны извечно, а производятся как локальные (исторические и культурные) нормы.

Как утверждает Барад, новый материализм показывает, что понимание действия уже «соскочило с орбиты гуманизма», не может пониматься как интенциональность и субъективность, но и материализация, в свою очередь, должна быть переинтерпретирована. Материальность – это множество факторов, учтенных

и не учтенных, что не приводит к утрате рациональности, но препятствует трансцендентальной редукции и биодетерминизму. Возникает необходимость другой рациональности, которая способна оперировать большими объемами данных и их ситуативной алгоритмизацией.

Похожим образом описывает рациональность Лучана Паризи на примере фильма Спайка Джонса «Она», где искусственный интеллект (ИИ) способен поддерживать эмоциональные состояния, интимные и творческие намерения своих «пользователей» на уровне близкой дружбы и любви: поднять настроение, по-матерински поговорить об отношениях. ИИ, как новая технология, появляется в областях, прежде понимаемых как исключительно человеческое. Но это такое человеческое, которое формировалось в практиках литературного экспериментального письма, эмоциональных отношений и самонаблюдения, эстетической формализации. Паризи отмечает, что «автоматизированная когнитивная деятельность здесь включает новую форму интеллигентности, направленную не просто на оптимизацию решений, но в сторону производства новых аксиом, кодов и инструкций»¹ [Parisi]. И тогда оказывается, что техническое опосредование современной реальности, о котором говорила Харауэй, требует продолжающегося концептуального переопределения

«коллективного и социального поля общего искусственного интеллекта с помощью выработки философии исчисления и критической теории автоматизации» [ibid.].

Представитель нового рационализма Реза Негарестани в своей книге «Интеллект и Дух» переопределяет интеллект, отличаемый им от статичного трансцендентального разума, как процессуальную инжиниринговую способность организации жизненных процессов и обогащения реальности. Перечень способностей и пределы теоретического и практического познания из этой перспективы – скорее, технический процесс, чем особые теоретические объекты. Концептуальное определение разума исторично: докритическое и посткритическое понимание разума – это принципиально различные концептуальные модели, но вопросы остаются. Как возможна корреляция умопостигаемости и мира? Каковы исторические пределы современных концепций? И главное, как умопостигаемое может влиять на конкретное изменение (обогащение) реальности?

Выводы

Я постаралась сделать сборку онтологических предложений, существующих сегодня в сфере философии техники, развиваемой в ключе новой рациональности и нового материализма. Из этой перспективы *техническое* –

¹ Здесь и далее цитаты Паризи приводятся в переводе [Pastiche Project](#).

это царский вход в небинарную онтологию, обнаруженный после того как эпистемологические, психоаналитические, лингвистические решения оказались недостаточными в своих колебаниях между привычными биологизаторством и трансцендентализмом.

Техника материальна специфическим образом. В отличие от природного объекта она когнитивна, но в отличие от науки не может быть изолирована в сфере чистого знания. Техника социальна и исторична, но также и связана с творческой работой ее изобретателей, исполнителей и пользователей. Вопрос о технике в эпоху технического программирования делает понятными и актуальными вопросы, поставленные гипотетически или политически в первой четверти XX в.

Если реальность середины XX в. была опосредована языком, идеологиями, описана философскими школами с их взаимным неприятием и полемикой, то современная реальность, как заметила Харауэй, все более опосредована новыми технологиями, сетевыми протоколами, интернет-объектами, технологически сформированными привычками пользователей и их тотальной привязкой к сети. Легко допустить, что современные онтологии (порядок вещей, практик, смыслов) могут схватываться только через гибридное – киборганическое – техническое опосредование и его логику, понимаемые в смысле постгуманистических и неоматериалистических философий техники.

Примеры нового конфигурирования реальности можно найти в приложениях, переустанавливающих социальные практики и исправляющих запутанность социально-правовых институтов ради упрощения доступа – будь то гражданские приложения «Теплицы социальных технологий», институционализирующие новые социальные практики, или движение за открытый доступ к научным ресурсам (Sci-Hub, Lib-Gen) [Митрофанова]. В этих практиках совмещаются планы макро- и микрополитик, символического порядка и практик повседневного существования. В них рациональность понимается не как контроль и управление, а как реконфигурирование отношений и переизобретение социальных институтов. Опыт этих сообществ, формируемые ими институты, эстетические и телесные перформативные практики изменяют привычное понимание реальности и ее границы, создавая конфигурации новой материальности, эмпирики, мышления. Несмотря на то, что алгоритмы бывают расистскими и мизогинными, консьюмеристским и контролирующими, технологическое опосредование обогащает нашу реальность в процессе эмансипаторном и эгалитарном.

Литература

Арватов, Б.И. Искусство в системе пролетарской культуры // Искусство и производство. М.: V-A-C press, 2018.

Горохов, В.Г. Петр Климентьевич Энгельмейер. Инженер-механик и философ техники. 1855–1941. М.: Наука, 1997.

Деланда, М. Новая философия общества. Пермь: Hyle Press, 2017.

Митрофанова, А. Киборг как код новой онтологии. Политические и эпистемологические аспекты гибридных тел // Логос. 2018. № 4 (125). С. 109–128.

Митрофанова, А. Киберфеминизм Sci-Hub: как открытый доступ к научным статьям осуществляет социальную и политическую революцию. 24.04.2018 [Электронный ресурс] URL: https://knife.media/cyberfeminism/?fbclid=IwAR2FJFoQisVv2XpGdVuvmvz4gU84frDkJsDHZJr5zjvqrvrwmPoNxquQE_0 (дата обращения: 19.06.2018).

Симондон, Ж. О способе существования технических объектов / пер. М. Куртова // Транслит: литературно-критический альманах. 2011. № 9. С. 94–106.

Тарабукин, Н. От мольберта к машине. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / Под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. М.: Росспэн, 2005. С. 322–377.

Шухова, Е. Инженер и философ Петр Энгельмейер // Инженер. 1994. № 7. С. 36–39.

Энгельмейер, П. Философия техники. М.: Левенсон, 1912. [Электронный ресурс] URL:

<http://books.e-heritage.ru/book/10073489> (дата обращения: 19.06.2018).

Энгельмейер, П. Теория творчества. СПб.: Книгоиздательство «Образование», 1910. [Электронный ресурс] URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10073476> (дата обращения: 19.06.2018).

Барад, К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость // Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология / Пер. Штейнер И. Под ред. Крамар М., Саркисова К. М.: V-A-C press, 2018. С. 42–121.

Barad, K. (2007). *Meeting the Universe half-way*. Durham, NC / London: Duke University Press.

Parisi, L. (2016). *Automation and Critique*. Retrieved from: http://www.reinventinghorizons.org/?p=355&fbclid=IwAR0Izex1w7tk05qUK0aFTnpPK4SeNmA-J_RcB5v72jGeTsFFIy-i2pijVskk (date of access: 19.06.2018).

References

Arvatov, B.I. (2018). *Iskusstvo v sisteme proletarskoy kul'tury* [Art in the system of proletarian culture]. In B.I. Arvatov, *Iskusstvo i proizvodstvo* [Art and production]. Moscow: V-A-C press.

Barad, K. (2007). *Meeting the Universe half-way*. Durham, NC / London: Duke University Press.

Barad, K. (2018). *Agentnyy realizm. Как material'no-diskursivnyye praktiki obretayut znachimost'* [Agential realism. On the im-

portance of material-discursive practices]. In Shteyner I. (Trans.), Kramar M., Sarkisova K.M (Eds.). *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva: antologiya* [Essays on unhuman hospitality: antology]. Moscow: V-A-C press, 42–121.

Delanda, M. (2017). *Novaya filosofiya obshchestva* [New social philosophy]. Perm': Hyle Press.

Engelmeyer, P. (1910) *Teoriya tvorchestva* [Theory of creativity]. St. Petersburg.: Knigoizdatel'stvo "Obrazovaniye". Retrieved from: <http://books.e-heritage.ru/book/10073476> (date of access: 19.06.2018).

Engelmeyer, P. (1912). *Filosofiya tekhniki* [Philosophy of technology]. Moscow: Levenson. Retrieved from: <http://books.e-heritage.ru/book/10073489> (date of access: 19.06.2018).

Gorokhov, V.G. (1997). *Peter Klimentjevich Engelmeyer. Inzhener-mekhanik i filosof tekhniki. 1855–1941* [Peter Klimentjevich Engelmeyer. Mechanical engineer and philosopher of technology. 1855–1941]. Moscow: Nauka.

Haraway, D. (2005). Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskiy feminizm 1980-kh gg. [A manifesto for cyborgs: science, technology, and. socialist feminism in the 1980s]. In K. Dipvell, & L. Bredikhina (Eds.), *Gendernaya teoriya i iskusstvo. Antologiya: 1970–2000* [Gender theory and art. Antology: 1970–2000]. Moscow: Rosspen, 322–377.

Mitrofanova, A. (2018). Kiborg kak kod novoy ontologii. Politicheskiye i epistemologicheskiye aspekty gibridnykh tel [The cyborg as the code of a new ontology. Political and epistemological aspects of hybrid bodies]. *Logos*, 4 (125), 109–128.

Mitrofanova, A. (2018.24.04). *Kiberfeminizm Sci-Hub: kak otkrytyy dostup k nauchnym stat'yam osushchestvlyayet sotsial'nuyu i politicheskuyu revolyutsiyu* [Cyberfeminism of Sci-Hub: how open access to academic articles brings about a social and political revolution]. Retrieved from: https://knife.media/cyberfeminism/?fbclid=IwAR2FJFoQisVv2XpGdVuvmzv4gU84frDkJsDHZJr5zjvqrvrw mPoNxquQE_0 (date of access: 19.06.2018).

Parisi, L. (2016). *Automation and critique*. Retrieved from: http://www.reinventinghorizons.org/?p=355&fbclid=IwAR0Izex1w7tk05qUK0aFTnpPK4SeNmA-J_RcB5v72jGeTsFFIyi2pijVskk (date of access: 19.06.2018).

Shukhova, E. (1994). Inzhener i filosof Petr Engelmeyer [Engineer and philosopher Peter Engelmeyer]. *Inzhener* [Engineer], 7, 36–39.

Simondon, G. (2011). O sposobe sushchestvovaniya tekhnicheskikh ob'yektov [On the mode of existence of technical objects] (M. Kurtov, Trans.), *Translit: literaturno-kriticheskiy al'manakh*, 9, 94–106.

Tarabukin, N. (2017). *Ot mol'berta k mashine* [From an easel to a machine]. Moscow: Ad Marginem Press.

CYBORGANIC UTOPIAS AND ONTOLOGY OF NEW MATERIALISM

Alla D. Mitrofanova, independent researcher, member of the Cyberfeminist International, Saint Petersburg, Russia; e-mail: twinsmi@mail.ru

Abstract. Utopia can be seen as a shift in the scope of the possible. Technical and social imagination casts a “semantic shadow” in which a new rationality is formed. Following this shadow, in search for epistemological continuity, we will try to make our way from the machines of production workers and constructivists to the programming philosophy and the “technologically mediated reality” of Donna Haraway. Our starting point will be P.K. Engelmeyer’s “Philosophy of technology” published in 1912 with a preface by E. Mach. Engelmeyer understands machine as close to the notion of operation and technical object as both scientific and cultural-historical, cancelling the opposition nature vs. culture. The reception of these ideas was made in N. Taraburkin’s treatise “From Easel to Machine”, in N. Punin’s lectures, in the concepts of A. Gastev, P. Tretyakov and A. Bogdanov. Bogdanov used these ideas to formulate a new principle for organizing life in his utopian novel “Red Star”, where philosophy and the theory of creativity are interpreted in engineering and constructivist form. The appearance of “engineers of human souls”, ironically dubbed so by Yu. Olesha, frightened many people at the time, and was discredited by the linguocentrism of the twentieth century. However, the ideas of Engelmeyer, which became the basis of the constructivism of the 1920s, acquired a new meaning with the advent of neo-materialism and speculative realism (M. DeLanda, K. Barad). From this perspective, Engelmeyer’s “Philosophy of Technique” becomes a text that answers current ontology questions: What does materiality mean? What are its limits and dimensions? What does variability and empirical sufficiency of reality mean?

Key words: philosophy of technology, neo-materialism, neo-rationality, technicism, ontology without sufficient grounds.

